

УДК 314.15

Л.Б. Карачурина¹, Ю.Ф. Флоринская²**МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ РОССИИ**

Статья написана по результатам анкетирования выпускников школ из малых и средних городов России и экспертных интервью (проведены в 2015 и 2018 гг.). Выявлено, что свыше 90% современных одиннадцатиклассников из средних и малых городов намерены получить высшее образование. Осуществление этих планов и дальнейшая профессиональная жизнь тесно связаны с масштабной миграцией из родных городов. Школьники из малых городов более настроены на образовательную миграцию. Миграционные и образовательные намерения молодежи коррелируют с их успеваемостью, материальной обеспеченностью семей, уровнем образования родителей. Ведущие направления миграции – крупные города, в том числе собственные региональные центры. Выбору направлений миграции предшествовали кратковременные поездки, в которых участвовало большинство опрошенных выпускников. На выбор региональных центров (или отказ в пользу других крупных городов) влияет расположение и территориальная близость родного города, наличие в региональном центре широкого спектра вузов и перспектив для дальнейшего трудоустройства, размер регионального центра или близость другого более крупного города. В г. Москва и г. Санкт-Петербург отправляются самые успешные абитуриенты, шанса на возврат которых в свои города почти нет.

Ключевые слова: молодежь, миграция, высшее образование, миграционная мобильность, российские города

Введение. Миграционные намерения (планы) – одна из самых сложных категорий в исследовании миграции. В самом деле, что такое «миграционные намерения или планы»? Это все от «было бы неплохо куда-нибудь переехать» до ... посадки в самолет/поезд/автомобиль и реального перемещения в пространстве на неопределенно длительный срок, или от «предварительного созерцания» к «взвешиванию аргументов «за» и «против» миграционных действий» [Tabor, Milfont, 2011].

Применительно к разным возрастным группам степень этой неопределенности различна. Едва ли не больше прочих сомневаются старшеклассники [Drozdewski, 2008], которые, с одной стороны, уже активно задумываются о поступлении в вузы и о местах своей послешкольной жизни, а с другой стороны, как показали исследования, плохо понимают материальные возможности своих семей [Флоринская, Рощина, 2008], собственные возможности поступления и жизненные планы в целом. Однако изучение миграционного поведения данной категории потенциальных мигрантов представляет особый интерес, т. к. миграция молодежи ощутимо выделяется объемами и интенсивностью на фоне прочих возрастных групп. Таким образом, понимание миграционных планов молодежи является неотъемлемой частью необходимых знаний о миграции в современном обществе.

Уже в 1930-е гг. в США было замечено, что мигранты в основном находятся в возрасте около 20 лет [Thomas, 1938]. С тех пор, какие бы обще-

ственные трансформации не потрясали мир, возрастной пик миграции принципиально не изменился. Интервал 15–25 лет определяет масштабы и интенсивность миграции и потому является исследователю наиболее важным. Данные закономерности миграции наблюдаются повсеместно, в том числе и в России [Карачурина, Мкртчян, 2017а].

Высокая миграционная активность молодежи предопределяется широкой палитрой стремлений: от поиска места в жизни до желания уехать из родительского дома и даже поиска экстрима [Williams et al., 2018] или романтики, которая в числе другого двигателя молодых людей на освоение севера страны [Кузнецова, 2012].

Миграция молодежи – это миграция внутренне дифференцированной группы. В агрегированном виде молодежные миграционные группы в России можно представить так: в 15–16 лет некоторые девятиклассники переезжают для продолжения учебы в колледжах и учреждениях системы СПО (среднего профессионального образования), 17–18-летние устремляются в вузы, соответственно переселяются в города их концентрации, 21–22 года – возраст окончания учебы в бакалавриате и возможной смены вуза для обучения по магистерской программе [Санникова, Хотинец, 2017] или переезда для работы, 23–24 года – миграция после окончания магистратуры в связи с поиском работы, созданием семьи и пр. Таким образом, единая молодежная группа разбивается на множество подгрупп, в основе миграции которых находятся совершенно различные цели, идеи

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кафедра демографии, канд. геогр. н., доцент; e-mail: lkarachurina@hse.ru

² Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, вед. науч. с., канд. геогр. н.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ст. науч. с.; e-mail: jflorin@yandex.ru

и причины. Можно ожидать, что существенно разнятся как миграционные планы, так и удельный вес их реализующих.

При этом российский кейс молодежной миграции – несмотря на отмеченный выше универсализм, в сравнении с другими странами – имеет особенность, заключающуюся в том, что концентрация миграции в точках, привязанных к вышеописанным датам (особенно к 17–18 годам) максимально высока. «Пики миграции» на графике объемов и интенсивности миграции образуют форму резко очерченных пиков. Эта остроконечность – результат более жесткой стандартизации демографических и социальных событий в жизненном курсе советского и, в меньшей степени, российского человека [Карачурина, Мкртчян, 2017]. В соответствии с этой строгой логикой поступать в институт (университет) надлежит строго после окончания школы, а не спустя годы послешкольных раздумий, как это нередко происходит в современной Европе [Walther, Plug, 2006; Williamson, 1997].

Таким образом, по сути обществом задаётся установка, по которой к 15–16 годам школьник должен точно определиться с тем, будет ли он получать высшее образование, или поступит в СПУЗ (среднее профессиональное учебное заведение). Аналогично к окончанию 11 класса решение о дальнейших планах, в том числе миграционных, должно находиться уже в зоне перехода от «активного созерцания» к «действию». Представляется, что это делает анализ миграционных намерений школьников выпускных классов в России более определенным, чем в странах с большей вариативностью поведения.

Кроме возрастной селективности действует и поселенческая: повсеместно в зарубежной литературе анализируются особенности и реализация миграционных намерений молодежи из сельской местности, которые заинтересованы в крупных городах и мегаполисах [Argent, Walmsley, 2008; Nugin, 2014]. Значительный пласт литературы посвящен миграционным планам и миграции молодежи из малых городов [Makkai, 2017; Gunko, Medvedev, 2018]. Однако, типы населенных пунктов, из которых идет миграция, чаще всего формализуются приближенно или в целом применительно к дихотомии «из города или из сельской местности» [Garasky, 2002; Land of discontent ..., 2001].

Нам представляется, что миграционные намерения выпускников школ могут различаться в зависимости от того, в каком по размеру населенном пункте они живут и на каком расстоянии он находится от регионального центра. Для пригородных населенных пунктов сам фактор их близости к крупным населенным пунктам имеет доминирующее значение [Мкртчян, 2017]. Для всех поселений вне пригородных зон размер городов может определять большой круг возможных детерминант миграции: от того, что может представляться важным самим

школьникам – потенциальным мигрантам (наличие или отсутствие вузов в городе, диапазон представленных профессий, возможных мест приложения труда, мест досуга) до текущих представлений и финансовых возможностей их родителей. Т.И. Заславская, оценивая миграцию в Новосибирской области, отмечала, что из числа детей, родившихся в довоенные годы и достигших в селе 15 лет, к 19 годам в селах области оставалось 58%, из родившихся в 1946–1950 гг. – 40,3%, при этом 57,6% сельчан в возрасте 16–24 лет в качестве направления для отъезда называли «крупный или средний город» [Миграция сельского населения, 1970, с. 127].

Анализ численности возрастных групп за межпереписные периоды, проведенный Ж.А. Зайончковской, показал, что в 1979 г. по достижении возраста 15–19 лет в селе оставалось 65% тех, кому в 1979 г. было 5–9 лет; главными центрами переселений были крупные города [1991, с. 103].

При сопоставлении размера города с его социально-экономической успешностью [Город и деревня, 2001, с. 208–210] прослеживается обратная зависимость между размером города и выездным потенциалом абитуриентов. С другой стороны, более устойчивое финансовое положение родителей в крупных (гипотетически – экономически более успешных) городах может обеспечивать школьникам большие возможности для миграции. Описанные выше упрощенные тенденции на практике не всегда прослеживаются в данном виде. Исследование Хэдлера [Hadler, 2006] для стран Евросоюза (ЕС) применительно к внутривосточной миграции показало, что наиболее высокие миграционные намерения наблюдаются у молодежи из наиболее отстающих территорий. Абитуриенты из наиболее развитых регионов ЕС склонны к межстрановой миграции. Различаются ли похожим образом миграционные стратегии у российской молодежи из разных населенных пунктов? Насколько значимыми оказываются материальные возможности семей, которые готовы отправить своих детей в иные населенные пункты? Существуют ли – по крайней мере в сознании молодежи – необразовательные каналы молодежной миграции и планы по возвращению домой? На данных вопросах сфокусировалось изучение миграционных планов 11-классников в восьми средних и малых городах России.

Методы исследования. Повсеместно в мире миграционные намерения изучаются с помощью семейства социологических методов. В данном случае использовались экспертные интервью с руководителями муниципального уровня в сфере образования, молодежной политики, экономики, директорами школ, предприятий, анкетирование выпускников одиннадцатых классов (методом самозаполнения анкеты)³. Обследование проводилось в 2015 и 2018 гг. в четырех малых городах России (Вязники (Владимирская область); Ртищево (Саратовская область); Сатка (Челябинская область), Камень-на-

³ Проекты Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

Оби (Алтайский край)) и средних городах (Бузулук (Оренбургская область), Великие Луки (Псковская область), Мичуринск (Тамбовская область), Чистополь (Республика Татарстан)). Было опрошено 420 выпускников одиннадцатых классов в малых городах и 403 одиннадцатиклассника из средних городов, примерно по 100 человек в каждом населённом пункте.

Разумеется, выбранные города – как внутри группы малых, так и средних – отличаются друг от друга. Эти различия предопределяются неоднородностью экономической и социальной ситуации в регионах, в которых они находятся, наследованным и современным функциональным профилем самих городов, их ролью в системе расселения, качеством городского менеджмента и другими параметрами. Тем не менее, присутствуют и элементы схожести: соответствие размеров категории «малых» или «средних» городов⁴, не пригородное положение по отношению к своим региональным центрам и другим крупным городам, в целом внутренняя периферийность с нисходящей (единственное исключение – г. Бузулук) демографической динамикой. Данные, представленные в табл., свидетельствуют, что демографическая и миграционная обстановка в малых городах хуже, чем в средних; в целом размер зарплаты повсеместно невелик, однако в малых городах заработок ниже, чем в средних. Весомое различие, особенно в контексте внутрирегиональной миграции и возможностей аккумуляции молодежи с прилегающих территорий, заключается в наличии в средних городах нескольких вузов или филиалов региональных вузов (например, в Великих Луках их суммарное количество достигает 7), а также развитая сеть учреждений СПО. В малых городах филиалы вузов есть не везде, а собственные отсутствуют, но колледжи и техникумы привлекают молодежь из окрестных сельских территорий.

Результаты. Среди опрошенных одиннадцатиклассников преобладали девочки – 62% в малых городах и 56% – в средних городах; хорошисты (учащиеся преимущественно на оценку «4») – 62% и 64% соответственно, и отличники – 26% и 30%. Выпускники – главным образом уроженцы своих городов (89% и 90%). Большая часть опрошенных совершали кратковременные поездки, туристические или в гости к родственникам. Только 5% в малых и 2% в средних городах никогда не покидали пределы родного города. География путешествий выпускников в средних городах шире – 49% опрошенных выезжали за пределы России (среди выпускников из малых городов – 37%), при этом около 33% побывали в странах дальнего зарубежья (21% – из малых городов), чаще всего посещались Турция и/или Египет. Больше половины школьников из средних городов побывали в Москве (58%) и почти половина – в Санкт-Петербурге (44%), треть – посетили обе столицы; из малых городов – чуть меньше половины посетили Москву и каждый пятый – Санкт-Петербург. Чаще всего выпускники приезжали в свои областные центры, лишь 7% из средних городов и 5% из малых никогда их не посещали. Опыт даже кратковременных поездок позволяет сравнивать свой город и другие места потенциального проживания. Миграционные намерения определяются удовлетворенностью собственным местом жительства, которая, в свою очередь, формируется при сравнении степени пригодности для переезда посещаемых населённых пунктов. Таким образом, необходимая информация приобретается с миграционным опытом [Кузнецова, 2012].

Основная масса опрошенных одиннадцатиклассников по окончании школы собирается получать высшее образование. Разница между изученными малыми и средними городами незначительная: в средних городах доля выбравших поступление в вуз

Некоторые характеристики исследованных городов*

	Расстояние до регионального центра по автодороге, км	Численность населения, тыс. чел.		Коэффициент естественного прироста, в среднем за 2012–2017 гг., %	Коэффициент миграционного прироста, в среднем за 2012–2017 гг., %	Коэффициент миграционного прироста в 15–19 лет, в среднем за 2012–2017 гг., %	Среднемесячная зарплата работников организаций, 2016 г., руб.
		2010 г.	2018 г.				
Средние	182	85,3	82,8	-3,5	-2,7	2,5	27182
Мичуринск	75	98,8	93,3	-5,4	-2,0	14,8	25187
Вел. Луки	273	98,8	91,4	-5,5	-6,6	7,1	23033
Бузулук	251	82,9	86,2	-0,1	0,1	-3,6	33960
Чистополь	128	60,8	60,2	-2,0	-1,6	-0,7	26550
Малые	175,5	42,9	40,4	-4,6	-7,4	-29,5	22188
Вязники	112	41,2	36,6	-9,8	-11,4	-79,4	20670
Ртищево	208	41,3	39,0	-6,0	-2,9	-58,9	23108
Сатка	184	45,2	43,4	-1,6	-8,9	-8,6	26112
Камень-на-Оби	195	43,9	42,6	-1,7	-6,7	-10,4	18862

* Составлено авторами по данным БДПМО.

⁴ По численности населения исследованные малые и средние города приближены к верхней планке соответствующих типов.

составила 94%, в малых – 91%. Остальные выпускники распределены между группами, планирующими поступление в учреждения СПО (в средних городах – 2%, в малых – 4,3%), уход в армию (по 1,2%), работа (0,2% и 1,2% соответственно). Около 2% выпускников как в малых, так и в средних городах пока не приняли конкретного решения.

Рост количества выпускников российских школ с высшим образованием наблюдается уже давно, и не является ни особенностью России на фоне других развитых стран (это общемировая тенденция), ни особенностью постсоветского этапа развития России (он начался еще в советский период) [Бесуднов с соавт., 2016]. В то же время, вопреки господствующему представлению, доля людей с высшим образованием в России не превышает уровень многих развитых западных стран. По данным микрорепериси населения 2015 г. доля лиц с высшим образованием в возрасте 25–64 года составляет в России 30,2% (в Великобритании – 33,4%, США – 34,1%, Швеции – 29,9%, Германии – 27%). В возрасте 25–34 лет в России она уже выше – 40,3% (это чуть ниже Великобритании и Кореи, но выше, чем в США, Швеции, Японии, Германии) [Образование в цифрах, 2017].

В России доля выпускников средних школ, ставших студентами, в 2010 году составляла 67% от всех закончивших одиннадцатый класс, в 2016 г. – уже 72,5% [Чердниченко, 2017]. На этом фоне полученные нами показатели не так уж и велики, поскольку отражают намерения выпускников, а не реальную картину. Очевидно, что часть выпускников в силу недостаточных баллов за ЕГЭ не сможет поступить в вузы сразу после школы, как планировала изначально.

На решение о непременном получении высшего образования оказывают воздействие уровень образования родителей (среди выпускников, оба родителя которых имеют высшее образование, доля планирующих поступать в вузы составляет почти 100% и в средних, и в малых городах), уровень материальной обеспеченности семьи (суммарно среди двух нижних групп по субъективной оценке материальной обеспеченности домохозяйства выпускника доля планирующих поступление составляет 83% и 73%, соответственно; в двух верхних самых обеспеченных группах – 95%). На выбор образовательной стратегии некоторым образом влияет и успеваемость школьников, хотя доля намеревающихся поступить в вуз велика даже среди троечников (86% в средних городах и 71% в малых).

Оценивая повальное стремление выпускников школ получить высшее образование, не стоит забывать, что мы ведем речь только о выпускниках одиннадцатых классов, а ими не исчерпывается поколение восемнадцатилетних россиян. Более того, значительная доля учащихся средних школ покидает учебные заведения после 9 класса⁵ и продолжа-

ет обучение в СПУЗ (хотя около трети из них по окончании СПУЗ также поступают в вузы, и это становится распространенной стратегией, снижающей риски на пути получения высшего образования [Александров и др., 2015]).

По свидетельству экспертов из управления образования г. Бузулука, если раньше из 9 в 10 класс переходило около 30% учеников, то последние три года эта доля доходит до 35%. Директор школы в г. Мичуринск в интервью рассказал, что в 2018 г. из 127 человек, закончивших 9-ый класс, в старшую школу перейдет не более 60 человек; 50% процентов уйдет в СПУЗ.

Выбор профессий выпускников достаточно разнообразен – почти каждый десятый в средних городах и каждый пятый в малых заявил, что за месяц до поступления (опросы проводились в мае) еще не определился в профессиональном выборе. В средних городах по сравнению с малыми выше доля выбирающих IT-специальности (в 2 раза), медицину (в 1,5 раза); ниже доля собирающихся стать юристами (11% против 16% в малых городах); интерес к сфере образования также не высок (4% против 8%) (рис. 1). Возможно, на различия профессиональных предпочтений повлияла и временная разница в опросах (2018 г. – в средних городах и 2015 г. – в малых).

Интервью в управлении образования г. Великие Луки подтвердили, что ситуация с профессиональным выбором выпускников за последние пять лет изменилась – пять лет назад большинство собиралось стать финансистами, экономистами, юристами; сейчас растет интерес к техническим специальностям. Кроме того, за последние годы около 36–38 выпускников из 500 выбирают медицинские специальности. Педагогические вузы востребованы мало.

Данные анкетирования однозначно дают понять, что выпускники не связывают с родными городами планы по получению высшего образования и дальнейшую профессиональную жизнь. Только 12% респондентов в средних городах и 4% в малых городах после окончания школы собираются остаться в своем городе (рис. 2).

В реальности, в родных городах сразу после школы остается больше выпускников, т. е. среди тех, кто ответил «еще не знаю» (а это каждый пятый), есть те, кто, не поступив в желаемые ВУЗы в крупных городах, вынужденно останутся в своем городе, пусть и временно. Главный фактор, способствующий тому, что хотя бы часть выпускников не покидает свои города, – это возможность получить здесь качественное среднее специальное образование, в отдельных случаях – высшее. Именно благодаря более широкому выбору средних специальных учебных заведений, а также наличию собственных вузов или действующих филиалов вузов из крупных городов, доля остающихся в средних горо-

⁵ В 2018 г. 54% школьников решили уйти после 9-го класса в учреждения среднего профессионального образования. В 2017 году таких было почти 56% // Новые Известия, 7 декабря 2018 г. <https://newizv.ru/news/society/07-12-2018/bolshinstvo-devyatiklassnikov-v-2018-godu-pereshli-v-kolledzhi>

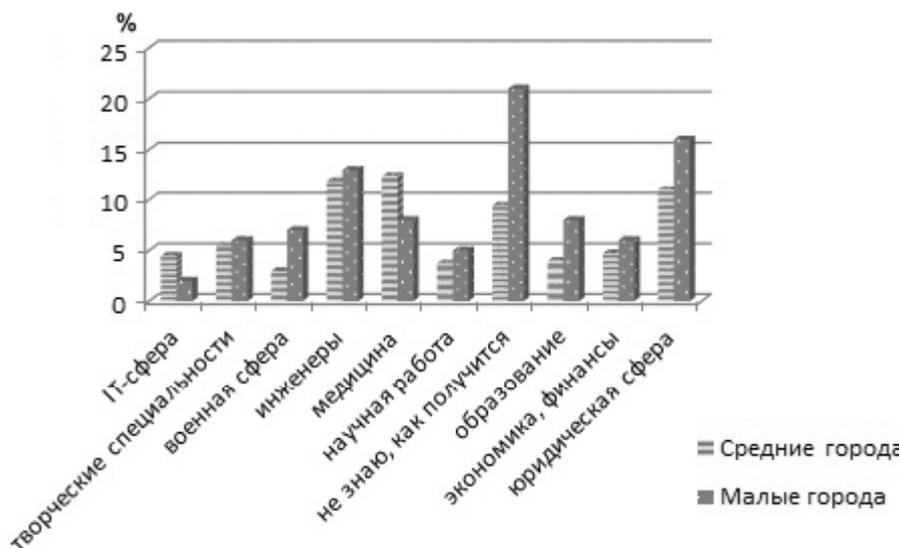

Рис. 1. Направления образования абитуриентов, малые и средние города, %

Fig. 1. Educational fields chosen by applicants, small and midsize towns, %

дах выпускников оказывается выше, чем в малых. Здесь такие учебные заведения, в отличие от крупных городов, в гораздо большей степени вписаны в местную среду, связаны с имеющимися там предприятиями.

Так, по мнению руководства Чистопольского филиала Казанского авиационного института то, что Министерство образования считает «недостижимой мечтой» (связь с производством), реализовано в полной мере в Чистопольском филиале, т. к. вуз фактически работает на нужды завода, тесно с ним связан.

Также выпускники из средних городов чуть чаще задумываются о переезде за границу.

Рис. 2. Предполагаемое место будущего проживания выпускников (ответ на вопрос: «Где вы собираетесь жить после школы?»), малые и средние города, %

Fig. 2. Expected place of living in the future (graduates' answer to the question «Where are you going to live after graduation from the school?»), small and midsize towns, %

В целом около 40% выпускников школ выбирают для учебы крупные города, расположенные не в своих регионах, в том числе Москву и Санкт-Петербург. Значительная доля отправляется и в свои региональные центры, хотя здесь ситуация неоднозначна и зависит как от территориальной близости региональной столицы к родному городу, так и от наличия там широкого спектра вузов и перспектив для дальнейшего трудоустройства, размера регионального центра. Так, например, только 12% выпускников из Великих Лук выбирают Псков, 15% выпускников из Мичуринска – Тамбов, в то же время 50% школьников из Сатки планируют отправиться в Челябинск, 51% из Чистополя – в Казань, 55% из Ртищево – в Саратов.

В вузы Москвы и Санкт-Петербурга отправляются абитуриенты с максимальными баллами за ЕГЭ, и шансы на их возвращение в свои города после учебы малы.

Эксперты ПАО «Машиностроительный завод» г. Бузулук подтвердили, что, благодаря успешно сданным ЕГЭ, наиболее перспективная молодежь стремится в столичные вузы. При этом, если после самарских, или оренбургских вузов еще какая-то часть молодежи возвращается, то после московских, например, практически никто.

В основном выпускники выезжают на учебу самостоятельно, однако в опросе 2018 г. удалось выявить стратегию переезда всей семьи в момент окончания школы – о такой миграционной особенности заявил каждый десятый выпускник в среднем городе. Тенденция переезда на постоянное место жительства всей семьи на этапе поступления ребенка в вузы подтверждалась и в ходе экспертных интервью в малых и средних городах, но касалась в основном более обеспеченных семей и тех, где родители имели востребованные в крупных городах специальности.

Более трети выпускников в средних городах (38%) и почти половина в малых сразу заявили, что в свои

Рис. 3. Планируемые сроки миграции, малые и средние города, %

Fig. 3. Planned duration of migration, small and midsize towns, %

города они больше не вернутся (рис. 3). К самой массовой категории уезжающих «навсегда» можно с большой вероятностью прибавить группу тех, кто ответил, что уезжает на более длительный период, чем учеба в вузе (20% и 26%, соответственно) – данные респонденты планируют устраиваться на работу в крупных городах. В этом случае шансы на их возвращение небольшие – только если им не удастся найти лучшую, чем в своих родных городах, занятость. Итого, группа «потерянных» молодых жителей для своих городов составляет около 57% выпускников в средних городах и 74% – в малых. Однако следует учесть, что в средних городах значительно выше доля неопределившихся (29% против 5%).

По устному сообщению директора школы г. Бузулука, после окончания учебы молодые люди возвращаются крайне редко. Обычно это вызвано неудачной реализацией планов, кроме того чаще приезжают обратно выпускники, которые обладают достаточной финансовой поддержкой семьи. Основной расчет управленцев в средних и малых городах опирается на группу тех, кто планирует отучиться и вернуться (13% в средних и 16% в малых городах). Именно под них разрабатываются грантовые программы, осуществляется целевой набор на востребованные специальности. Однако успешный опыт такого рода сотрудничества с выпускниками редко упоминается экспертами.

Выводы:

– не менее 50% школьников после окончания 9 класса уходят в учреждения профессионального

образования. Как и в советское время, поступление в 10 класс (тогда – в 9) или получение СПО является первой ступенью, разделяющей жизненные и миграционные намерения школьников. Среди выпускников СПУЗ, как правило, значительно меньше доля поступающих в вузы, чем среди выпускников школ (не более трети);

– подавляющее большинство выпускников одиннадцатых классов школ как в средних, так и в малых городах – связывают свою последующую жизненную траекторию с миграцией, при этом в средних городах намерены остаться 12% школьников, а в малых – всего 4%;

– основной канал миграции – образовательный; от 91% выпускников в малых городах до 94% в средних городах намерены получить высшее образование. На формирование данной цели влияет успеваемость выпускников, образовательный уровень их родителей, достаточная материальная обеспеченность их семей. Последний показатель отражается не только в возможности семьи направить абитуриента в другой город на обучение, но и в создании возможной «подушки безопасности» после окончания вуза, и даже в стратегии «семейной» миграции, поводом которой служит образовательная миграция ребенка;

– на масштабы и стратегии выезда школьников оказывают влияние не только характеристики собственных городов, но и городов-реципиентов, в первую очередь, численность их населения, которая в российских условиях является индикатором не только собственно размера, но и в значительной мере мощности экономики и, соответственно, разнообразия рынка труда и спектра возможностей (от диапазона выбора специальности для обучения до трудоустройства по его окончании). Традиционно важным является также взаимное местоположение городов исхода и вселения. В этом смысле показателен пример г. Великие Луки, выпускники которого в большей мере готовы ехать в г. Санкт-Петербург, чем в свою региональную столицу – «родной» г. Псков;

– образовательную миграцию выпускников нельзя назвать целиком невозвратной. Однако доля исключений слишком невелика даже для приблизительной оценки. Тем не менее, шансы на сохранение молодежи в средних городах выше, чем в малых. Это обусловлено более развитым рынком труда и относительно более высокими зарплатами, лучшей социальной инфраструктурой, а также более разветвленной сетью учреждений СПО. Наличие в средних городах разнообразных средних профессиональных учреждений качественного уровня не только удерживает часть молодежи сразу после школы, но и способствует привлечению в эти города молодых людей из соседних, более мелких населенных пунктов, городских или сельских. Одновременно, встроенность таких учебных заведений в рынок труда средних городов помогает их студентам более успешно трудоустроиться на месте, избавляя их в дальнейшем от поиска выездной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Д.А., Тенишева К.А., Савельева С.С. Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж» // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 66–91.
- Бессуднов А.Р., Малик В.М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135–167.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник / Ред. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
- Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
- Карачурина Л., Мкртчян Н. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2017а. № 3(4). С. 47–65.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2017б. № 1(2). С. 74–80.
- Кузнецова С.А. Возможность изучения миграционных намерений в социальной психологии // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2012. № 3. С. 60–65.
- Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 348 с.
- Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? (Сб. статей по итогам Всероссийского науч.-практ. семинара) / Отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ, 2017. С. 26–36.
- Образование в цифрах: 2017: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 80 с.
- Санникова О.В., Хотинец В.Ю. Транзитный университет как фактор межрегиональной образовательной миграции // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 1. С. 41–45.
- Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. Оценка уровня миграционной мобильности молодежи малых российских городов (по опросам выпускников школ) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3. С. 125–139.
- Чердиченко Г.А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 152–182.
- Argent N., Walmsley J. Rural Youth Migration Trends in Australia: an Overview of Recent Trends and Two Inland Case Studies // Geographical Research. 2008. Vol. 46. № 2. P. 139–152.
- Drozdowski, D. 'We're moving out': Youth out-migration intentions in coastal non-metropolitan New South Wales // Geographical Research. 2008. Vol. 46. № 2. P. 153–161.
- Garasky S. Where are they going? A comparison of urban and rural youths' locational choices after leaving the parental home // Social Science Research. 2002. Vol. 31. № 3. P. 409–431.
- Gunko M., Medvedev A. Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2018. Vol. 109. № 5. P. 661–676.
- Hadler M. Intentions to migrate within the European Union: A challenge for simple economic macro-level explanations // European Societies. 2006. Vol. 8. № 1. P. 111–140.
- Land of Discontent: The Dynamics of Change in Rural and Regional Australia / Pritchard, B. and McManus, P. (eds). University of New South Wales Press. Sydney. 2001.
- Makkai B., Máté E., Pirisi G., Trócsányi A. Where Have All the Youngsters Gone? The Background and Consequences of Young Adults' Outmigration from Hungarian Small Towns // European Countryside. 2017. Vol. 9, № 4. P. 789–807.
- Nugin R. «I think that they should go. Let them see something». The context of rural youth's out-migration in post-socialist Estonia // Journal of Rural Studies. 2014. № 34. P. 51–64.
- Tabor A.S., Milfont T.L. Migration change model: Exploring the process of migration on a psychological level // International Journal of Intercultural Relations. 2011. Vol. 35. № 6. P. 818–832.
- Thomas D. Research memorandum on migration differentials. New York, NY: Social Science Research Council. 1938.
- Walther A., Plug W. Transitions from school to work in Europe: Destandardization and policy trends // New Directions for Child and Adolescent Development. 2006. № 113. P. 77–90.
- Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis // Population, Space and Place. 2018. Vol. 24. № 1, P. 21–23.
- Williamson H. Status zero youth and the «underclass»: Some considerations // R. MacDonald (Ed.). Youth, the «underclass» and social exclusion. London: Routledge. 1997. P. 70–82.

Поступила в редакцию 31.03.2019

После доработки 07.04.2019

Принята к публикации 28.06.2019

L.B. Karachurina¹, Y.F. Florinskaya²

MIGRATION INTENTIONS OF SCHOOL GRADUATES
IN SMALL AND MIDSIZE TOWNS OF RUSSIA

The article is based on the results of questioning the school graduates from small and midsize towns of Russia and on the materials of 2015 and 2018 expert interviews. It was found that over 90% of modern 11th-grade students in midsize and small towns are going to obtain a higher education. Realization of these plans and further career development are closely associated with migration from hometowns. Education migration intentions are higher among school students from small towns. Educational and migration strategies of young people correlate with their academic performance, parental education level and material prosperity of their families. The leading migration's directions are large cities, including the regional centers. The choice

¹ National Research University Higher School of Economics, Department of Demography, Associate Professor, PhD. in Geography; e-mail: lkarachurina@hse.ru

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute for Social Analysis and Forecasting, Senior Scientific Researcher; National Research University Higher School of Economics, Senior Scientific Researcher, PhD. in Geography; e-mail: jflorin@yandex.ru

of regional centers (or rejection of them in favor of other large cities) is influenced by the location and territorial proximity of the hometown, availability of a wide range of universities and further employment opportunities in the regional center, as well as the size of the regional center and the proximity of other larger town. The most successful school graduates move to Moscow and St. Petersburg, and there is almost no chance of their return to hometowns.

Key words: youth, migration, higher education, migratory mobility, Russian towns

REFERENCES

- Alexandrov D.A., Tenisheva K.A., Savelyeva S.S.* Mobil'nost' bez riskov: obrazovatel'nyj put' «v universitet cherez kolledzh» [No-Risk Mobility: Through College to University] // *Educational Studies*. 2015. № 3. P. 66–91. (in Russian)
- Argent N., Walmsley J.* Rural Youth Migration Trends in Australia: an Overview of Recent Trends and Two Inland Case Studies // *Geographical Research*. 2008. Vol. 46. № 2. P. 139–152.
- Bessudnov A.R., Malik V.M.* Social'no-ehkonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatel'noj traektorii posle okonchaniya 9-go klassa srednej shkoly [Socio-Economic and Gender Inequalities in Choosing Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia] // *Educational Studies*. 2016. № 1. P. 135–167. (in Russian)
- Cherednichenko G.A.* Rossijskaya molodezh' v sisteme obrazovaniya: ot urovnya k urovnyu [Russian Youth in the Education System: From Stage to Stage] // *Educational Studies*. 2017. № 3. P. 152–182. (in Russian)
- Drozdowski D.* 'We're moving out': Youth out-migration intentions in coastal non-metropolitan New South Wales // *Geographical Research*. 2008. Vol. 46. № 2. P. 153–161.
- Florinskaya Ju.F., Roshhina T.G.* Ocenka urovnja migracionnoj mobil'nosti molodezhi malyh rossijskih gorodov (po oprosam vypusnikov shkol) [Assessment of the level of migration mobility of young people in small Russian cities (according to surveys of school graduates)] // *Studies on Russian Economic Development*. 2008. № 3. P. 125–139. (in Russian)
- Garasky S.* Where are they going? A comparison of urban and rural youths' locational choices after leaving the parental home // *Social Science Research*. 2002. Vol. 31. № 3. P. 409–431.
- Gorod i derevnja v evropejskoj Rossii: sto let peremen* [The Town and the Country in European Russia: One Hundred Years of Change]. Ed.: T. Nefedova, P. Polian, A. Treivish, Moscow, 2001. 560 p. (in Russian)
- Gunko M., Medvedev A.* Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2018. Vol. 109. № 5. P. 661–676.
- Hadler M.* Intentions to migrate within the European Union: A challenge for simple economic macro-level explanations // *European Societies*. 2006. Vol. 8. № 1. P. 111–140.
- Karachurina L., Mkrtychyan N.* Mezhregional'naja migracija v Rossii: vozrastnye osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics] // *Demographic Review*. 2017. № 3(4). P. 47–65. (in Russian)
- Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V.* Vnutrennjaja dolgovremennaja migracija naselenija v Rossii i drugih stranah [Long-term internal migration of population in Russia and other countries] // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 5. Geogr.* 2017. № 2. P. 74–80. (in Russian)
- Kuznetsova S.A.* Vozmozhnosti izuchenija migracionnyh namerenij v social'noj psihologii [Possibilities of studying the migratory intentions in social psychology] // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2012. № 3. P. 60–65. (in Russian)
- Land of discontent: the dynamics of change in rural and regional Australia* / Pritchard, B. and McManus, P. (eds). University of New South Wales Press, Sydney, 2001.
- Makkai B., Máté E., Pirisi G., Trócsányi A.* Where Have All the Youngsters Gone? the Background and Consequences of Young Adults' Outmigration from Hungarian Small Towns // *European Countryside*. 2017. Vol. 9. № 4. P. 789–807.
- Migracija sel'skogo naselenija* [Migration of the rural population]. Pod red. T.I. Zaslavskoj. Moscow: Mysl', 1970. 348 p. (in Russian)
- Mkrtychyan N.* Pristolicnye territorii Rossii: dinamika naselenija i migracionnyj balans [Suburban areas of Russia: population dynamics and migration balance] // *What do We Know about Contemporary Russian Suburbs?* / Ed. by A.S. Breslavsky. Ulan-Ude, 2017. P. 26–36. (in Russian)
- Nugin A.* «I think that they should go. Let them see something». The context of rural youth's out-migration in post-socialist Estonia // *Journal of Rural Studies*. 2014. № 34. P. 51–64.
- Obrazovanie v cifrah: 2017: kratkij statisticheskij sbornik* [Education in numbers: 2017: summary of statistics]. M.: NRUHSE, 2017. 80 p. (in Russian)
- Sannikova O.V., Khotinets V.Yu.* Tranzitnyj universitet kak faktor mezhregional'noj obrazovatel'noj migracii [Transit university as a factor of interregional educational migration] // *Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagog.* 2017. № 27. P. 41–45. (in Russian)
- Tabor A.S., Milfont T.L.* Migration change model: Exploring the process of migration on a psychological level // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. Vol. 35. № 6. P. 818–832.
- Thomas D.* Research memorandum on migration differentials. New York: Social Science Research Council, 1938.
- Walther A., Plug W.* Transitions from school to work in Europe: Destandardization and policy trends // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2006. № 113. P. 77–90.
- Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G.* The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis // *Population, Space and Place*. 2018. Vol. 24. № 1. P. 21–23.
- Williamson H.* Status zero youth and the «underclass»: Some considerations / R. MacDonald (Ed.). Youth, the «underclass» and social exclusion. London: Routledge, 1997. P. 70–82.
- Zajonchkovskaja Zh.A.* Demograficheskaja situacija i rasselenie [Demographic situation and settlement pattern]. Moscow: Nauka, 1991. 132 p. (in Russian)

Received 31.03.2019

Revised 07.04.2019

Accepted 28.06.2019